

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. В. СЕВОРТЯН

ОБ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»

«Этимологический словарь тюркских языков», подготовленный к печати в Институте языкознания АН СССР, имеет задачей выяснение морфосемантического состава и языковой принадлежности (происхождения) этимологически затемненных, преимущественно неодносложных основ, в числе их — сращений и стяжений обще- и межтюркского характера, реконструкцию более древнего фонетического состояния как самой основы, так отчасти и входящих в нее морфем. (Этимологический анализ аффиксов в словаре не предусматривается.)

Обще- и межтюркский план построения словаря избран в следующих целях: 1) свести к возможному минимуму хронологический разрыв между одновременными лексическими пластами, привлекаемыми к этимологическому исследованию; 2) определить общие, исторически наиболее производительные модели и приемы, с помощью которых создавались слова в тюркских языках; выяснить возможности исторической группировки этих моделей и их относительной хронологизации; 3) установить древнейшие гомогенные лексические ряды обще- или межтюркского характера; 4) создать подготовительную базу для разработки в дальнейшем этимологических словарей отдельных тюркских языков.

Выделяя обще- и межтюркскую лексику, мы привлекаем каждый раз и те языки, где исследуемая лексическая основа отсутствует, но имеются другие производные основы, гомогенные с исследуемой.

Под общетюркской и межтюркской лексической основой понимается та, которая непосредственно или через свои производные образования представлена во всех ареальных (классификационных) группах тюркских языков (общетюркская основа) или более чем в одной группе (меجتюркская основа). И в том, и в другом случае лексическая основа может быть представлена в одном, нескольких или же во всех языках, составляющих ареальную группу.

Отдельные общетюркские основы возникали в позднее время, в частности, в периоды письменности, распространяясь из одного языка или ареала в языки остальных ареалов; тем не менее основная масса обще- и межтюркской лексики сформировалась в дописьменные эпохи, начиная с фазы более однородного состояния тюркских языков, хотя и с наметившимися уже древнедиалектными различиями.

Основным приемом анализа в «Этимологическом словаре тюркских языков» является раскрытие в этимологизируемой основе определенной словообразовательной модели, что осуществляется с помощью сравнительно-исторического метода, а также приема внутренней реконструкции.

Источниками для составления этимологического словаря тюркских языков являются отечественные и зарубежные лексикографические и лексикологические издания, диалектографические и диалектологические описания, монографии, диссертации и статьи, содержащие лексический материал тюркских языков, а также опубликованные тюркоязычные памятники.

1. Некоторые теоретические и методические вопросы этимологических исследований в тюркских языках. А. Для реконструкции общетюркского вокализма чаще всего отбирается непротиворечивый материал, в котором реконструируемый корневой гласный остается неизменным во всех фонетических модификациях взятого для иллюстрации слова; например, *a* в *at* «лошадь», *a* в *as* «вешать», *a* в *ay* «луна» и т. д. В случаях же видоизменения корневого гласного наука очень часто располагает доказательными разъяснениями причин видоизменения; например, *tol* ~ *dol* «наполняться» в большинстве тюркских языков, но в части языков *tol* — в результате закономерного сужения корневого гласного; *et* «мясо» почти во всех тюркских языках, но *it* в части языков, для одних из которых это принято объяснять как закономерное сужение *e*, а для других — как одно из направлений эволюции исходного корневого **e*.

Есть иной, весьма многочисленный разряд фонетических фактов, которые в работах по сравнительной или исторической фонетике фигурируют редко, — это когда гласный, нередко в самых старых тюркоязычных памятниках, предстает непостоянным, а с учетом современных языков и диалектов и вовсе неопределенным. Наиболее показательны здесь, в первую очередь, основы, в которых, например, общетюркскому *a* в корневом слове соответствует в якутском и тувинском *ы*. Нередко такое *ы* встречается и в других языках; например, *арык* ~ *арык* «канал, арык», но *ырмак* «река» с корнем *ыр* «течь», ср. *yran* (древнее причастие от *yrtak*) «текущий» Zenker I 144¹, *iren* «вода», ср. *yrtak* Zenker I 31, 146.

Особый интерес в вопросе об *a* ~ *ы* представляют факты чувашского языка. Гипотеза Г. И. Рамstedта о двояком происхождении чувашского *ы*, соответствующего общетюркскому корневому *a*², как и допущение М. Рясина о том, что *ы* на месте общетюркского корневого *a* возникало в чувашском в различные времена, начиная с ранних веков³, оставляют открытым основной вопрос об источнике чувашского *ы* на месте общетюркского корневого *a*.

В настоящее время можно предположить, что *ы* на месте корневого общетюркского *a* возникло в результате древнего чередования *a* ~ *ы* в тюркских языках и в их числе — в древнечувашском или дочувашском.

Чередование *a* ~ *ы*, по-видимому, весьма раннее, известно в якутском,

¹ Здесь и ниже приняты следующие сокращения: Zenker — J. Th. Zenker, Dictionnaire Turc-Arabe-Persan, I, Leipzig, 1866; Yusuf ve Zeliha — Seyyad Hamza, Yusuf ve Zeliha Nakleden D. Dilçin, İstanbul, 1945; Zajaczkowski Qutb — A. Zajaczkowski, Najstarsza Wersja turecka, *Husrâv u Sîrin* Qutba. Cz. III — Słownik, Warszawa, 1961; Houtsma — M. Th. Houtsma, Ein türkisch-raabisches Glossar, Leiden, 1894; Vámbéry C'Spr. — H. Vámbéry, C'agataische Sprachstudien enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Wörterbuch der C'agataische Sprache, Leipzig, 1867; Kāşg. D. — B. Atalay, Divanü lûgat-it-Türk dizini. Endeks, Ankara, 1943; DD — «Türkiye'de halk ağzından söz derleme dergisi», I—VI, İstanbul, 1939—1952; Ettuhfet. — «Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lugat-it-türkiyye», çeviren B. Atalay, İstanbul, 1945; Малов ЛЯ — С. Е. Малов, Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь, Фрунзе, 1956; Малов ПМК — С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М. — Л., 1959; Боровков ЛТ — А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тейска XII—XIII вв., М., 1963; Пекарский — Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, I—III, [М.], 1958—1959; Радлов — В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, I — СПб., 1893, II — 1899; III — 1905; IV — 1911; Баранов — Х. К. Баранов, Арабско-русский словарь, М., 1957; Гаффаров — М. А. Гаффаров, Персидско-русский словарь, I — М., 1914; II — М., 1927.

² См.: G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, JSFOu, XXXVIII, 1922—1923, стр. 7, 10—11, 8. Ср. также: N. Poppe, Die tschuwassische Sprache in ihrem Verhältnis zu den Türksprachen, KCSA, 1—2, 1926, стр. 69.

³ М. Рясина, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 72—73.

тувинском, а спорадически — и в других тюркских языках⁴, в их истории, начиная с древнейших письменных памятников. Показательно, что при сравнении имеющегося в нашем распоряжении набора тувинских основ с *ы* вместо обще- или межтюркского корневого *а* и чувашских основ с такой же заменой общетюркского корневого *а* на *ы* обнаруживаются совпадения: ср. чув. *пыльчăк* «глина; грязь» ~ тув. *былча-* «пачкаты»; чув. *тырăм* ~ тув. *тырын* «живот»; чув. *сынас-* ~ тув. *чыпын-* «приставать; прилипать».

Чередование других широких и узких гласных в тюркских корнях нередко объясняют соседством *е/э* (А. фон Габен, Г. Дёрфер, И. Бенцинг и др.); например: *тог-* и *туг-* «рождать(ся)». Однако известен ряд основ с тем же чередованием без участия *е/э*: *боз-/буз-* «портить», *ут-/өт-* «палить», *оч-/уч-* «гаснуть».

В значительном числе корневых морфем издревле функционируют параллельно *ө* и *е* или *е* и *ө*. Исследователи пытались «вывести из *е*, оперируя примерами, в которых рядом с *ө* находится губной гласный, например, *еб* ~ *ев* ~ *өв*, *сев-* ~ *сөв-* ~ *себ-*, *евур-* ~ *өвур-*».

Однако в еще большем числе корней можно отметить то же чередование, но без соседнего губного гласного: ср. *инде-/үнде-* «призывать; окликать», *өңей-/өңей-* «гнуть», *өңтер-/өңтер-* «опрокидывать». Под давлением таких фактов Г. И. Рамstedт был вынужден допустить, что в некоторых случаях параллелизм *ө/е* в корневом слоге следует отнести к древнейшим эпохам в жизни тюркских языков⁵.

Аналогичная картина наблюдается и в области консонантизма. Одно из типичных явлений здесь — древнее чередование *м* ~ *н*. Делались попытки вывести *м* из *н*, при этом привлекался материал, где по соседству с *н* оказывался губной звук, например: *өн-* ~ якут. *уом-* «подкрадываться», *өңгөч* ~ *үмөч* «пищевод», *өңүр* ~ *өмүр* «вышивка на груди». Однако в гораздо большем числе основ такое чередование наблюдается и при отсутствии рядом с *н* губного звука; например: *емгек* и *енбек* «труд; мучение», *емгекте-* и *енбекте-* «ползать», *ин* ~ *им* (и т. д.) «голос», *ен* ~ *и.н* ~ *им* «метка», *ингир* ~ *инир* ~ *инир* ~ *имир* ~ *ымир* «сумерки».

Все подобные факты позволяют допустить фонетическое непостоянство корня, его вариативность для равных эпох в истории тюркских языков. Следовательно, не представляется возможным абсолютно во всех случаях руководствоваться принципом фонетического закона.

Сказанное имеет своей целью объяснить причины, по которым в «Этимологическом словаре тюркских языков» приходится нередко ссылаться на древнедиалектные чередования в тюркских языках.

Б. В этимологических исследованиях по разным языкам центр тяжести анализа обычно переносится в область фонетических изысканий, когда на основе установленных в науке историко-фонетических процессов и их закономерностей в данном языке и родственной с ним языковой общности воссоздается достижимый при современном состоянии науки фонетический облик этимологизируемого слова. Как правило, при этом остается без ответа вопрос о морфемном составе слова, о его морфологической эволюции, о том, является ли, например, исследуемая основа исторически односложной или неодносложной, морфологически простой или производной.

⁴ См.: N é m e t h G y., Az ősjakut hangtan alapjai, NyK, 43, стр. 285 и сл.; W. R a d l o f f, Phonetik der nördlichen Türkssprachen, Leipzig, 1882, стр. 87 и сл.; М. Р я с я н е н, указ. соч., стр. 55 (чередование *а* ~ *ы* М. Ряснянов во всех случаях называет комбинаторным — см. стр. 55, 72—73, однако языковые факты не позволяют с этим согласиться). Наиболее полный перечень подобных случаев в якутском, а также отдельные факты из тувинского языка см.: Л. С. Л е в и т с к а я, Историческая фонетика чувашского языка. Канд. диссерт., М., 1966, стр. 64—65.

⁵ G. I. R a m s t e d t, Studies in Korean etymology, Helsinki, 1949.

О стяженном или сращенном характере основы становится обычно известно постфактум, когда удается найти более старую, нестяженную форму основы. Все известные в тюркологии достоверные стяжения выявлены именно таким путем (*биз* < *бигиз* «шило», *тавук* ~ *то: x* < *такыгу* ~ *такагу* «курица», *курсак* < *курусак* «брюхо», *йалғыз* < *йалығуз* «один», *курушун* < *курушун* ~ *куруаши* «свинопас», *тавшен* ~ *давшен* < *давушаган* «заяц» и т. д.).

Корневые и односложные элементы составляют небольшую часть лексики тюркских языков. Основная масса обще- и межтюркских основ, в том числе и морфологически затемненных, состоит из неодносложных производных основ. Морфологически затемненные основы могут входить или в различные ряды слов, образовавшиеся по древним, большей частью непродуктивным словообразовательным моделям, или же в лексико-семантически гомогенные объединения (ряды), каждое из которых восходит к определенной производящей основе, имеющей очень часто корневой характер. Вся эта масса обще- и межтюркской лексики хронологически неоднородна. В ней можно предполагать более архаические прослойки, элементы, относящиеся к доаффиксальной эпохе общетюркского словообразования.

Однако еще большая часть обще- и межтюркской лексики принадлежит к аффиксальному типу и относится, следовательно, хронологически к одному уровню развития словообразования. Одно из подтверждений этому — производный характер обозначения весьма многих элементарных, жизненно и социально необходимых реалий. Другое подтверждение можно видеть в аффиксальном строении целого ряда односложных основ (типа *йан*- и *йак*- с корнем **йа* или **йа*-; *йук* и *йут*- с корнем **йу*- или **йу*-; *бич*- с корнем *би*-/ *бы*-; *йок*- и *йод*- с корнем **йо*- или **йо*-; *корк*- и *кор*- с корнем **кор*- или **кор* и другие корни, вычленяемые аналогичным образом).

Заметим попутно, что при анализе обще- и межтюркских основ необходимо исходить из существования в истории тюркских языков древних, в том числе — первичных, корней, имеющих форму открытого слога. В результате реконструкций, полученных при работе над «Этимологическим словарем тюркских языков», количество обнаруженных корней этого типа возрастает.

Хронологическим пределом, до которого может быть доведена этимологизация основной части обще- и межтюркских неодносложных основ с неясным морфемным составом, является верхняя граница, конец эпохи нераздельного состояния тюркских языков. Для этого периода уже были характерны диалектные расхождения в фонетике общетюркского языка-основы, отражением чего отчасти являются: 1) непостоянство корневых гласных, чередование гласных разного ряда в значительной части общетюркских лексических корней; 2) в отдельных случаях — непостоянство корневых согласных, чередование различных согласных в общетюркском корне по тем языкам, где в соответствии с действующими или исторически засвидетельствованными звуковыми корреспонденциями такие чередования должны рассматриваться как аномалии; 3) ограниченный и непоследовательный характер многих из известных в тюркском языкознании фонетических закономерностей. В связи с последним необходимо отметить, что долгий некомбинаторный гласный или дифтонг в одном лишь туркменском, дифтонг или долгий гласный в одном лишь якутском не могут рассматриваться как бесспорные свидетельства исторически общетюркского характера такого долгого некомбинаторного гласного или дифтонга.

При определении относительного хронологического уровня фонетико-морфологической реконструкции основ возникает неперенный вопрос о периодизации процессов словообразования.

Историческое изучение словообразования в тюркских языках показывает, что на всех этапах своей эволюции оно находится в определенном соответствии и внутренней связи с уровнем грамматического развития тюркских языков. В отношении лексики уровень грамматического развития определяется состоянием дифференциации частей речи. Принципиально разным состояниям частей речи соответствуют неодинаковые способы словообразования. И наоборот, в неоднородном состоянии словообразования исторически отражаются разные уровни развития частей речи в тюркских языках.

Разные этапы развития словообразования отличаются между собой способами и условиями создания слов, конкретные формы которых образуют словообразовательные модели, присущие тому или другому уровню грамматического развития тюркских языков.

В настоящее время выясняется, что действующему издавна аффиксальному способу предшествовал, а в известный период параллельно с ним действовал принципиально иной способ словообразования — корневая глагольно-именная омонимия, которой в грамматической сфере соответствует синкретизм частей речи.

Для этого состояния тюркских языков в фонетической сфере можно допустить недостаточную устойчивость корневых гласных, т. е. недостаточную устойчивость фонематической дифференциации корневых гласных в отношении ряда, подъема и лабиальности. В результате корень выступал в двух (иногда — более чем двух) параллельных формах: с нёбным и ненёбным гласными, с закрытым и открытым гласными, с губным и негубным гласными или с более сложным сочетанием параллельных гласных. Заметные следы такой неустойчивости сохраняются в современном фонетическом состоянии тюркских языков, в которых рудиментарные явления порою тесно переплетаются с явлениями позднейшего фонетического развития тюркских языков.

Недостаточная устойчивость фонематических признаков на древнейших ступенях общетюркского состояния обнаруживается также при изучении ареальных группировок тюркских языков. Можно предположить, что дифференциальные признаки различных ареалов, в том числе их фонетические признаки (например, $-d \sim -z \sim -s \sim -y \sim -p$, $z \sim p$, $ш \sim л$), существуют в тюркских языках не изначально, не с эпохи их нераздельного состояния.

Хотя фактический материал, на основе которого впоследствии сложились эти дифференциальные признаки, уже имелся в древнейшем состоянии тюркских языков, однако его распределение не было еще строго локализовано в ареальных границах. Различительные признаки вырабатывались постепенно по мере развития древнедиалектных расхождений, стабилизации древнедиалектных вариантов фонем как инвариантов формирующихся диалектов, в процессе консолидации и конвергенции близких между собой говоров вокруг складывающихся диалектов, территориального обособления диалектов и их сближения между собой, формирования ареальных групп.

Признавая, что выработка межареальных звукосоответствий — процесс не изначальный, а относительно поздний (как и процесс формирования отдельных языков вообще), мы должны признать также, что многие древнейшие основы, которые распространились в древнетюркских диалектах еще до того, как сформировались ареальные черты, имели вначале другие формы, а современные формы они приобрели в дальнейшем своем развитии, адаптировавшись к ареальным фонетическим нормам.

Поскольку предельно достижимой (для реконструкции) стадией древнейшего состояния тюркских языков можно считать стадию древнедиа-

лектной дифференциации, то следует допустить, что целый ряд производных (некорневых) основ, имеющих общетюркское распространение, создавался на этой ступени общетюркской общности. В то же время нельзя доказать, что абсолютно все общетюркские производные основы образовались на первоначальной стадии общетюркской общности, когда еще не было диалектной дифференциации, если только можно вообще допустить такую стадию развития. Нельзя, например, доказать, что общетюркское *уй(у)ку* (с вариантами) «сон» восходит к древним глаголам *уды-* или *узы-/узу-* «спать», а не к *уйу-/уйы-* (именно этот последний путь и имел место), хотя сама форма производящей основы *уйу-/уйы-* и могла произойти от *уды-* ~ *узы-*. Нельзя также доказать, что общетюркский глагол *уйал-* «стыдиться» восходит к *ūd Zenker I, 115*, турецк. диалектн. *ud DD 3, 1411* и др., турецк. диалектн. *ut DD 3, 1412*, Atebet. LXIX и др., а не к *уй* (ср. *уй-лук* «срамное место» и др.), как это имело место в действительности, хотя форма *уй*, возможно, происходит от более старого архетипа *уд*. Нельзя доказать, что юго-западное *айык* «трезвый; бодрствующий» восходит к **азык* или **адык*, а не к **ай-* + *-ык*, хотя сам корень **ай-* может восходить к **аз-* или **ад-* и т. д.

2. Глагольно-именные корни. Изучение лексики разных языков давно уже показало, что обозначения многих жизненно первоочередных понятий, без которых человек не мог обходиться уже на ранних ступенях своей социальной жизни, являются производными, образовавшимися от именных и глагольных основ, т. е. словами, которые могли возникнуть в языковом коллективе лишь в сравнительно позднюю эпоху его существования. Это обстоятельство, однако, не привлекало к себе особого внимания и не внесло заметных корректив в учение о словообразовании. Неизменным остается общее представление о производности многих из древнейших словарных единиц общиндоевропейского лексического фонда. И хотя признание особой роли глагольного начала в истории словообразования⁶, характерное для более ранней поры морфологических исследований в индоевропейском языкознании, в первые десятилетия XX в. сменилось выдвижением на передний план имени⁷, по-прежнему осталась неустраненной несовместимость глубокой древности многих реалий, обозначенных в словах, с относительной новизной морфологического строения таких слов.

Тюркское языкознание не составляет исключения в рассматриваемом вопросе, хотя состояние изучения словообразования в тюркских языках не тождественно разработке этой проблематики в индоевропейском языкознании.

В тюркологии лишь в первые десятилетия XX в. были сформулированы положения, касающиеся удельного веса глагола и имени в строе тюркских языков. Тезисом Ж. Дени, согласно которому господствующее положение имени составляет специфическую особенность тюркских языков⁸, были подытожены наблюдения в области тюркской грамматики, накопившиеся, прежде всего, в русской тюркологии начиная со второй половины XIX в. Этими наблюдениями был выявлен действительный факт преимущественного положения имени в историческом образовании глагольной парадигмы, во всем грамматическом строе тюркских языков.

⁶ См.: A. Fick, *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Ein sprachgeschichtlicher Versuch. Abt. I*, Göttingen, 1870, стр. 934—935; А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 268.

⁷ В новейшее время эта мысль подробно развивалась в кн.: Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955, стр. 204.

⁸ J. Deny, *Grammaire de la langue turque (Dialecte osmanli)*, Paris, 1921, стр. 13, примеч. 2.

Тезис Ж. Дени в дальнейшем был развит в исследовании К. Грёнбека⁹. Однако ни грамматика Ж. Дени, ни исследование К. Грёнбека не дали ответа на вопрос о древнейших отношениях между именем и глаголом, так как оба исследователя имели в виду в первую очередь положение имени в предложении, в словосочетании, но не в системе частей речи.

На этот вопрос искал ответа другой тюрколог — В. Банг. В соответствии с представлениями, распространенными в индоевропейском языкознании, В. Банг предложил в качестве объединяющей идею глагольного имени, в котором, по его мнению, совмещались глагольные и именныи свойства¹⁰. Нетрудно, однако, видеть, что при решении вопроса о роли имени и глагола на древних ступенях словообразовательного процесса идея глагольного имени не может стать путеводной нитью, так как лексическую, да и грамматическую основу глагольного имени составляет глагол, а его именныи свойства имеют не лексическое, а грамматическое содержание.

Между тем, некоторые факты из области тюркской лексики открывают иные возможности, иное направление для изучения и поисков решения рассматриваемого вопроса. Исследователями тюркских языков давно были замечены омоформные корни-основы, имеющие как именное, так и глагольное значения. Еще П. М. Мелиоранский отмечал, что «... в древности разделение корней на глагольные и именныи не было так строго проведено в турецких языках, как теперь», что «... есть и теперь корни, имеющие двойное значение — глагольное и именное»¹¹.

Более полувека спустя один из признанных теоретиков алтаистики Г. И. Рамстедт также отмечал, что «имя может быть, так сказать, „конверсировано“, т. е. применяться в роли глагола, и не будучи снабжено каким-либо особым окончанием, как это часто имеет место, например, в английском языке»¹². Факты глагольно-именной омонимии отмечал также К. Брокельман на материале письменных памятников¹³.

В результате наблюдений, которые проводились в различных тюркских языках, многократно повторяя друг друга, в тюркском языкознании накопилось некоторое количество глагольно-именных омоформ, большей частью односложных корней-основ. Это обычно приводимые в грамматических описаниях существительное *кәч* «кочевка» и глагол *кәч-* «кочевать; переселяться», существительное *той* «пир» (и др.) и глагол *той-* «насыщаться», существительное *шиш* «опухоль» и глагол *шиш-* «пухнуть», *тын* «дыхание» и *тын-* «успокаиваться; отдыхать» и ряд других омоформ с аналогичным коррелятивным отношением (обозначение предмета/явления и наряду с этим — обозначение неразрывно связанного с ним процесса/действия). Число подобных омоформ, приводимых в грамматических описаниях, обычно не превышает нескольких десятков. Даже в специальных

⁹ K. Grönbech, Der türkische Sprachbau, København, 1936.

¹⁰ W. Bang, Studien zur vergleichenden Grammatik der Türk Sprachen. 2. — Über das Verbum *al-* «nehmen» als Hilfszeitwort, «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften», Jg. 1916, Halbbd. 2, XXXVI—XXXVIII, Berlin, 1916, стр. 918. Намного раньше В. Банга и несравненно глубже разработал вопрос о соотношении глагола и имени А. А. Потёбня. См.: А. А. Потёбня, Из записок по русской грамматике. I—II, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 89.

¹¹ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВО РАО, XII (1899), 2—3, СПб., 1899, примеч. 22.

¹² Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957, стр. 179.

¹³ C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954, стр. 199—200 (§ 147 d).

исследованиях ¹⁴, где данному типу лексики отводится особое место, количество таких омоформ не превышает 70 единиц.

Однако при более внимательном сопоставлении слов, образующих гомогенные (с точки зрения лексико-семантической) ряды, их число заметно возрастает и продолжает неуклонно расти по мере углубления морфологического анализа подобных слов. В результате этимологического анализа общетюркских и межтюркских основ с затемненным морфемным составом зачастую выявляется омоформная пара, состоящая из именного и глагольного корней, которые генетически представляют собой единый глагольно-именной корень.

Накопившийся к настоящему времени материал и, прежде всего, высокая частотность указанных выше результатов этимологического или морфологического анализа подобных лексических рядов, приводят к правомерному выводу о том, что глагольно-именные корни образуют подпочву, на которой лежит массив обще- или межтюркской лексики.

Остановимся на некоторых вопросах семантики омоформных пар. Наиболее существенными и принципиальными представляются здесь два момента: 1) отношение между именным и глагольным членами омоформной пары и 2) отношения омоформной пары к производным словам, образовавшимся от ее членов.

Глагольный и именной члены омоформной пары связывают те же отношения, что и глагол с аффиксальным строением и производное от него имя. Производное имя по отношению к производящей глагольной основе может иметь следующие типовые значения: название данного действия/процесса (или его признака), названия субъекта, объекта, орудия, результата, места и формы данного действия (или их признаков). Точно такие же семантические отношения существуют между производящей основой глагола и образованным от нее именем существительным в индоевропейском словообразовании, что было замечено еще в прошлом веке ¹⁵ и затем неоднократно повторялось в научной литературе.

Несколько иллюстраций из различных тюркских языков. Корневые омоформы *ok-* (глагол в лобнорском) и *ok* (существительное во всех остальных языках) означают «стрелять» и орудие этого действия — «стрела», современное «пуля»; омоформа *ий* (имя в тувинском) и *ий-* (глагол в ряде других языков) означают «склон» и «гнуть»; из омоформ *kadh* и *kadh-* (Käšg. D. 247) имя означает «спешная буря; буран, гибельный для человека», а глагол — «погибать от бурана» (в якутском *хай-* «засыпать снегом» — Пекарский III, 3231); из омоформ *йөн* и *йөн-* имя означает «направление», глагол — «направляться» (Yusuf ve Zeliha, XXIV); из омоформ *сык* и *сык-* имя означает в ряде языков «частый; густой», глагол — «сжимать»; омоформы *хър* и *хър-* в чувашском означают соответственно «сухой» и «засыхать; погибать»; *ух* и *ух-* в хакасском — «слышать» и «ухо» и т. д.

Ввиду массовости описываемых фактов уже нельзя говорить о случайном совпадении именных и глагольных корней, как это считал и К. Грэнбек и Г. Рамстедт ¹⁶ (последний паряду с этим признавал «конверсирование» имени в глагол). Мы имеем дело не с отдельными случаями, а, по всей вероятности, с системой словообразования, принадлежавшей древнейшему состоянию тюркских языков.

¹⁴ Б. М. Ю н у с а л и е в, Киргизская лексикология, ч. I (Развитие корневых слов), Фрунзе, 1959, стр. 69—78.

¹⁵ Понятиями имен орудия, действия, произведения, места и времени широко пользовался, например, А. А. Потебня в своих «Записках по русской грамматике».

¹⁶ См.: K. G r ö n b e c h, указ. соч., стр. 19; G. J. R a m s t e d t, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II — Formenlehre, Helsinki, 1952, стр. 192—193.

Об исторической продуктивности рассматриваемой системы свидетельствуют следующие обстоятельства. Первое из них касается заимствований, второе — сосуществования способа глагольно-именной омонимии наряду с агглютинацией (т. е. с аффиксацией), и третье — соотношения значений корневых омоформ и производных основ, образовавшихся от них.

В заимствованиях, проникших в тюркские языки в древности, с определенной регулярностью наблюдается та же картина, что и в собственно тюркских глагольно-именных омоформах. Рядом с заимствованными именами (существительными или прилагательными) часто можно найти глагол в той же форме, хотя в языке-источнике глагола в этой форме нет. Так, многим тюркским языкам известно санскр. *пुत*, *бут* «идол» (проникло через посредство персидского языка), а в чувашском имеется глагол *пут*- «верить». Рядом с *аш* «каша; еда», заимствованным из среднеперсидского, в некоторых памятниках юго-западных тюркских языков встречается глагол *аш*- «есть, давать есть». Наряду с арабским существительным

ай(й)аш «гуляка», «весельчак» (عَبَّاش Баранов, 708) в турецких диалектах Болгарии находим глагол *айаш*- «радоваться; веселиться», отсутствующий в этой форме в арабском языке. Рядом с араб. *арбб* «государственные

советники» (أَرْبَاب «господа; главы» Баранов, 355) в староузбекском (чагатайском) языке отмечен глагол *арбап*- «давать мудрые советы», которого нет в арабском языке. Заимствование из персидского *агаз* «начало»

(آغاز کردن = آغازیدن «начинать» Гаффаров I, 47) широко распространено в литературных памятниках тюркского средневековья; а в комментариях к Корану в XII—XIII вв. встречается глагол *агаз*- «начинать» (Боровков ЛТ, 37). Наряду с заимствованным из персидского прилагательным

дилмур «опечаленный; огорченный» (دَلْمُور Гаффаров I, 344) в боль-

шом числе тюркских языков (туркм., караим., тракайск., кирг., ногайск., каракалп., казахск., татар., башк. и т. д.) распространен глагол *делмур*- ~ *телмер*- ~ *телмир*- (и т. д.) со значением «тосковать; грустить; скучать» (и т. д.). В тюркоязычных памятниках XIV—XIX вв. распространено

перс. *пир* в значении «кусочек; часть; разорванный» (پَارِه Гаффаров I, 215), а в «Сказаниях о пророках» Рабгузи (XIV в.) встречается глагол *пара*- «разрывать на части». В тюркских языках общеизвестно прилагательное *азат* «свободный», заимствованное из персидского, а в средневековых тюркоязычных памятниках можно найти глагол *азат*- «освободить». Широко распространено в тюркских языках арабское заимствование *ашык* ~ *ашук* и т. д. «влюбленный; любовник», между тем в словаре Махмуда Кашгарского приводится глагол *ашик*- «ждать встречи, свидания с кем-л.» (Kāšg. D. 44) и т. д.

Еще больше можно привести примеров тому, как на более поздних этапах своего развития словообразовательный способ корневой омонимии уживался с агглютинативным словообразованием, часто совмещаясь с ним. Здесь имеется в виду тот факт, что на последнем этапе своего функционирования глагольно-именная омонимия продолжала еще некоторое время давать словарную продукцию, но уже не в виде корней, а в виде неодносложных основ, образованных способом аффиксации. Примеры: *каты*- «твердеть» (Ettuhfet 188) и *каты* «твердый» от основы-корня *kat*- «застывать; замерзать» в казах., кирг., узб. и др.; *јабы* «враг» и *јабы*- «враждовать» (Малов ПМК₉₆); *тары* «зерно» и *тары*- «(за)сеять» (Zajaczkowski Qutb 172); гагауз. *йакын*- «приближаться» и *йакын* «близкий» в ряде языков —

образованы от глагольного корня *ūak-* «приближаться» в словаре Махмуда Кашгарского (Kāšg. D. 731); *اولاق aulak* «далекий; удаленный» и *اولاقماк aulakmak* «удаляться» (Vámbéry C'Spr. 226); *اولاغ ulag* «ездовое животное» (любое) и *اولاقماк ulakmak* «ездить; садиться на лошадь; путешествовать» (Vámbéry C'Spr. 226); *اتيق atik* «известный; знаменитый» и *اتيقماк atikmak* «иметь известность; быть известным» (Vámbéry C'Spr. 204); *түтүн-* «дымить» в словаре Махмуда Кашгарского (Kāšg. D. 679) и межтюркское *түтүн* «дым» — от корневого глагола *түт-* «дымить»; чуваш. *хăйра* «точило; брусок» [ср. *قبر kajur* «кремень; галька; кругляк» Houtsma 94, тув. *хайыр* «солончак» (в горах), якут. *хэйыр* «сплошной камень; булыжник; скалы» Пекарский III, 3249] и чуваш. *хăйра-* «точить; тереть (что-л.) о поверхность точила» (ср. хакас. *хэйыр-* «точить; править; отбивать» — о косе); *хада* «всякая воткнутая в землю жердь, например, коновязь» и *када-* «вбивать; вколачивать» (Малов ЛЯ 183); *ыккын* «побег; росток» и *ыккын-* «пересаживать молодые деревья» в турецких диалектах (DD 2, 761); турецк. и др. *утан-* «стыдиться» и существительное *утан* в ряде языков, общий корень — *ут* «стыд» в турецком и др.; турецк. *усан-* «испытывать скуку» и турецк. *усан* «скука» и т. д.¹⁷

Образование глагольных значений наряду с именными значениями в заимствованных словах и сосуществование корневого и агглютинативного способов словообразования принципиально отличаются от чисто корневого словообразования в его древнейшей фазе. Отличие состоит в том, что глагольно-именная омонимия в пору своего господства распространялась, по-видимому, на всю лексику еще слабо дифференцированного прототюркского языка, тогда как в период, когда в тюркские языки широко проникали арабо-персидские заимствования, система корневой омонимии была уже разрушена, и ее угасающая продуктивность доживала свои дни в отдельных языках или диалектах. В целом корневой омонимии как системы тогда уже не существовало.

Нельзя, наконец, не принимать во внимание тот факт, что семантика производных слов, образовавшихся от корневых омоформ, как правило, включает в состав своих значений (или же просто повторяет) основные значения омоформных корней. Несколько примеров. Существительное *оку* ~ *оку* ~ *оку* и др. «чтение» в турецком, азербайджанском и т. д. и глагол *оку-* ~ *оку-* ~ *оку-* и др. «читать» образованы от корневых омоформ *ок* «крик» и *ок-* «читать» (Радлов I, 994). *Аңкай-* «знять» в ряде языков образовано от корневых омоформ **аң* «злияющий» и **аң-* «знять». Производное *ора* со значением «яма; ров» в ряде языков (см. также тюркоязычные памятники) образовано от глагольного члена омоформной пары *ор* ~ *ор-*, где именным член также означает «яма; ров», а глагол *ор-* — «рыть» (яму и т. д.). *Ойук* «выпадина; яма; выемка» образовано от глагольного члена омоформной пары *ой-* «выдалбливать; рыть; копать» и *ой* «выпадина; углубление; рытвина» и т. п.

Таким образом, разрушаясь, система корневой глагольно-именной омонимии передавала накопленные значения производным формам. Тенденция к сохранению жизненно важных значений в лексике — общая тенденция тюркского словаря, которая проявляется и в современном словообразовании.

Совпадение значений корня и его ближайшего производного позволяет пересмотреть традиционное в монголистике воззрение на отношения

¹⁷ Более полно материал, относящийся к этому вопросу, приведен в кн.: Э. В. С е в о р т я н, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1962, гл. III.

между общими тюрко-монгольскими корнями (основами). Согласно этому широко известному взгляду, который неоднократно повторялся и иллюстрировался в трудах монголистов и алтаистов, ряд тюркских односложных корней восходит к двусложным корням, сохранившимся в монгольском языке ¹⁸.

Однако в самих тюркских языках можно насчитать не один десяток корней (основ), рядом с которыми существуют в том же или ином языке (часто — в нескольких языках) те же корни (основы) с добавочным гласным, что, однако, не вызывает никаких смысловых изменений в лексических значениях таких корней (основ). Многие из таких основ с добавочным гласным явно восходят к односложным глагольным или именным корням ¹⁹.

Именно поэтому двусложные монгольские основы, корневая часть которых совпадает с тюркскими односложными корнями, можно было бы рассматривать в качестве производных, образовавшихся от односложных глагольно-именных омоформ.

Ввиду ограниченности сроков автору не удалось изучить материал алтайских языков под этим углом зрения. Беглый просмотр одного из последних лексикографических пособий по монгольскому языку ²⁰ сразу позволил выделить ряд глагольно-именных омоформ, часть из них — поздние по времени своего образования. Например: *oil* «водоворот; пук волос» и *oil-* «кружиться; образовывать водоворот» (Lessing 604); *öty(n)/om* «черви; личинки» и *öty-/omax* «развиваться; появляться» (о личинках) (Lessing 646); *ori* «место; постель» и *ori-* «входить; идти на место; приходить в состояние/положение» (там же, 620); *uγzi* «рожок/бутылочка для кормления» (младенцев) и *uγzi-* «кормить младенца из бутылочки» (там же, 865); *emku (umku)/unx* — имя «кусок, кусочек; глоток» и глагол «закладывать в рот; захватывать ртом; накапливать; собирать» (там же, 313, 1007). Подобные примеры из монгольского свидетельствуют о том, что и в монгольской лексике могут быть вскрыты отношения, аналогичные указанным выше. Попутно можно отметить, что довольно много глагольно-именных омоформ встречается в эвенском языке ²¹.

Как же следует рассматривать описанную глагольно-именную корневую омонимию, систему глагольно-именных корней в тюркских языках, как следует определять ее место в истории тюркского словообразования?

Можно было бы признать эту глагольно-именную омонимию всего лишь тюркской разновидностью способа конверсии, которая в наиболее развитом виде в индоевропейских языках представлена в английском, но известна также и некоторым другим европейским языкам (правда, с меньшим лексическим охватом). Согласно распространенному мнению, конверсия в английском языке отмечается уже в конце XIII в. и постепенно развивается до своего современного состояния ²²; таким образом, конверсия в английском — явление развивающееся, но не отмирающее.

¹⁸ Ср., например: G. J. Ramstedt, Über die Stellung des Koreanischen, JSFOu, 55, 1951, стр. 53.

¹⁹ Часть относящегося сюда материала см.: Э. В. Севортян, указ. соч., стр. 436—447. См. также: G. Brockelman, указ. соч., стр. 199—200.

²⁰ F. D. Lessing, Mongolian-English dictionary, Berkeley—Los Angeles, 1960 (далее — Lessing).

²¹ См.: J. Benzing, Lamutische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar, Wiesbaden, 1955, стр. 139—248.

²² Н. Н. Амосова, Этимологические основы словарного состава современного английского языка, М., 1956, стр. 83; С. М. Костенко, Конверсия как способ образования глаголов от имен существительных в английском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1955, стр. 11. Существуют мнения и о более раннем происхождении английской конверсии.

В тюркских языках, однако, картина прямо противоположная. Наиболее высокое развитие, преобладание способа корневой глагольно-именной омонимии относится к глубокой древности; не случайно поэтому, что большую часть корневых глагольно-именных омоформ удастся восстановить лишь путем сравнительного или этимологического анализа. По направлению к современности роль способа корневой омонимии убывает. Сохранение за этим способом еще некоторой продуктивности показывает материал тюркоязычных памятников средневековья; позднее корневая омонимия как способ словообразования постепенно разрушается и сходит на нет. В современных тюркских языках вместе с их диалектами обнаруживаются лишь следы этой последней фазы.

Описанная система словообразования действовала на такой ступени грамматического развития тюркских языков, когда еще только складывались элементы глагольной парадигмы (кстати сказать, без нее невозможна современная конверсия).

Древняя глагольно-именная омонимия в тюркских языках не может рассматриваться как специфически тюркская черта. В более широких масштабах и более регулярно глагольно-именная омонимия как живая, еще действующая система словообразования свойственна ряду языковых семей. В науке давно известна, по крайней мере еще со времен В. Гумбольдта²³, и неоднократно описывалась (правда, не очень обстоятельно) система глагольно-именной омонимии в австронезийских языках. В целом ряде грамматических работ, например, по индонезийскому языку это явление отмечается как пока действующая система словообразования наряду с агглютинацией²⁴; еще шире оно распространено в разговорном языке²⁵. Роль параллельно существующей там агглютинации в механизме языка не идет ни в какое сравнение с удельным весом агглютинации в тюркских и алтайских языках, где она является господствующей чертой, определяющей структурный тип названных языков.

Корневую глагольно-именную омонимию в тюркских языках правильнее рассматривать не как конверсию, а как выражение лексико-морфологического синкретизма, свойственного более ранним ступеням структуры тюркских языков. Вместе с тем нельзя исключать и возможности того, что древняя глагольно-именная омонимия в более поздние эпохи в отдельных тюркских языках (в староузбекском, турецких диалектах и др.) могла иметь тенденцию к перерастанию в конверсию, но последняя не получила в них развития.

Поскольку корневую глагольно-именную омонимию можно рассматривать в качестве подпочвы тюркской лексики агглютинативного типа, то допустимо отнести ее к фактам доагглютинативного словообразования,

²³ W. v. Humboldt, Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java..., 1—3, Berlin, 1836—1839. См. также: А. Мюллер, Наука о языке, Воронеж, 1868, стр. 84; G. v. der Gabelentz, Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, Leipzig, 1891. В современных работах особо подчеркивается необходимость более гибкого применения понятий глагола и имени к живым языкам, где подобное деление весьма условно (A. Martinet, *Éléments de linguistique générale*, 2-nd ed., Paris, 1961, стр. 142).

²⁴ См., например: В. Д. Аракин, *Индонезийские языки*, М., 1965; А. С. Теселкин, Н. Ф. Алиева, *Индонезийский язык*, М., 1960; А. С. Теселкин, *Древнеяванский язык (кави)*, М., 1963; G. Kahlo, *Grundriss der malayischen und indonesischen Sprache*, Leipzig, 1957; M. Leenhardt, *Langues et dialectes de l'Austro-Mélanésie*, Paris, 1946; H. Jensen, *Studien zur Morphologie der polynesischen Sprachen, insbesondere der Samoanischen*, Kiel, 1923; J. Verguin, *Le Malais. Essai d'analyse fonctionnelle et structurale*, Paris — La Haye, 1967.

²⁵ По устному сообщению лиц, продолжительное время живших в Индонезии.

которому в таком случае должно было бы соответствовать иное, доагглютинативное состояние тюркских языков²⁶.

Из сказанного вытекает, что стратиграфию большой массы обще- и межтюркской лексики следовало бы начинать с пласта глагольно-именных корней, на котором располагаются последующие лексические пласты.

Учет изложенного выше позволяет дать объяснение кажущемуся противоречию между жизненной, социальной важностью реалий и отражающего ее понятия, с одной стороны, и относительно поздним ее неодносложным словесным обозначением в лексике тюркских языков — с другой. Изучение корневой глагольно-именной омонимии позволяет снять это противоречие: под слоем относительно поздно образованных слов, передающих понятия первой необходимости, вскрывается их глагольно-именная корневая подоснова.

Таким образом, правомерным будет вывод о том, что при этимологическом анализе тюркских основ глагольно-именные корни должны быть постоянно в поле внимания.

3. Несколько замечаний о тюрко-монгольских языковых взаимоотношениях. В тюркских языках, их диалектах и письменных памятниках сохранилось большое число лексических корней, нередко в древнейших формах. Недостающие корни в значительной своей части восстанавливаются вполне доказательным способом.

Тюркские основы в большинстве случаев этимологизируются на базе тюркских же корней или основ с помощью тюркских словообразовательных моделей без обращения к монгольским (или тунгусо-маньчжурским) языкам, тогда как корни монгольских основ часто оказываются (или представляются?) утраченными и их удается обнаружить лишь в тюркских источниках и, конечно, без «добавочного» гласного. Установив это в процессе подготовки настоящего словаря и находя подтверждение этому во все новых и новых фактах, а также учитывая изложенное выше о глагольно-именных корнях, сделаем следующие предварительные выводы.

1. Чисто фонетические сопоставления тюркских и монгольских основ в отрыве от морфолого-семантических сопоставлений, которые нередко производятся в современных тюрко-монгольских штудиях, чреваты односторонними, а подчас — и ошибочными заключениями.

2. Тезис о большей древности монгольских двухсложных основ с открытым вторым слогом (тип *köke*) по сравнению с тюркскими односложными корнями-основами (тип *kək*) не подтверждается результатами этимологического, в частности морфологического, исследования обще- и межтюркских основ. Некорневой гласный в указанных двусложных монгольских основах еще ждет своего разъяснения.

3. Тюрко-монгольские сопоставления более объективны и надежны на корневом уровне, чем на уровне вторичных образований, которые могут быть независимыми друг от друга и параллельными, поскольку в значительной степени параллельны или близки друг другу аффиксальные словообразовательные модели обоих языков. В отличие от флексив-

²⁶ К реликтам этой архаической фазы, вероятно, можно отнести тенденцию к синтетизму, к сращению всего выражения, превращению его в одно слово. В старых письменных памятниках и в современных тюркских языках часто можно встретить целый ряд десятиатактивизованных предложений с указанной тенденцией к сращению в единое слово. См. в турецком языке *kim vurdıya gitmek* «быть неизвестным, кто убил» (пример записан в вид. Нигде); *Allah kavuşturup a gitmek* «пойти попрощаться с отъезжающим» (части текста, которые даны в разрядку, представляют собой бывшие предложения). Примеры из средневековых тюркоязычных памятников см.: С. В. Г о с к е л ь м а н н, указ. соч., § 181.а, примеч. 1, 2; № 181.д; § 203.а. б. с., § 206, 207, § 265. а и сл. См. также: А. Н. К о н о н о в, Тюркологические этюды, сб. «Историко-филологические исследования», М., 1967.

ных языков, в алтайских вследствие более слабого развития в них фюзии вычленение производящих корней (основ) в гомогенных производных образованиях в большинстве случаев не вызывает особенно больших затруднений.

В этих условиях поиски праформы (архетипа) для тех или иных двух формально близких тюрко-монгольских вторичных (производных) основ с общим корнем подчас оказываются бесцельными, а реконструируемая праформа иллюзорной.

4. Фоно-морфологическое и семантическое совпадение тюркской и монгольской основы поэтому далеко не всегда является свидетельством заимствования основы из монгольских в тюркские языки (или наоборот), хотя сам факт взаимных заимствований для этих языков, притом с древнейших времен, не подлежит сомнению; во всяком случае, выдвигавшийся в последние годы тезис об отсутствии монгольских заимствований в древнетюркских памятниках не соответствует действительному положению вещей.

Все это хорошо понимают опытные и компетентные алтаисты или монголоеды старшего поколения (Г. Рамstedт, Н. Н. Поппе и др.), которые часто предпочитают сближение монгольских (тунгусо-маньчжурских) языков на корневом уровне. Более молодые генерации алтаистов или монголоведов в этом отношении решительнее и «непримиримее» своих старших коллег, каждый раз спеша объявить ошибкой тюркологическую интерпретацию производной основы, если только она совпадает с монгольской формой. Вся проблема тюрко-монгольских языковых взаимоотношений для этой части монголистов или тюркологов нередко сводится к вопросу: кто у кого заимствовал? Трудно ждать решения научной проблемы, если ее представлять столь упрощенным образом.

В заключение к сказанному нелишне добавить, что просмотр рукописи тунгусо-маньчжурского словаря, подготовленного коллективом специалистов ЛО Института языкознания АН СССР, показал, что примерно 10% тунгусо-маньчжурских основ почти регулярно совпадают с тюркскими основами.
